

УДК 070«19»
ББК 76.02

ЖУРНАЛ «ПУТЬ» (1925–1940) И ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»

Е.В. Парахневич

В статье рассматривается понятие философского дискурса русской эмиграции «первой волны» и на примере текстологического пространства журнала «Путь» выявляются его специфика и основные характеристики.

Ключевые слова: философский дискурс, журнал «Путь», журнальный контекст, эмиграция «первой волны».

«Первая волна» эмиграции XX века – изгнание из России после революции 1917 года около миллиона русских людей – привела к серьезным потрясениям как среди европейцев, так и среди самих русских. Количество иностранцев только во Франции за десять лет – с 1920 по 1930 год – увеличилось втрое. Исторические события вынудили Европу понять, что Первая мировая война создала новый мир, требующий новой манеры поведения. Одновременно с этим большая часть эмигрантов осознает укрепление советской власти в России, что делает невозможным возвращение на родину.

Главной особенностью «первой волны» эмиграции являлся исключительно высокий образовательный и культурный уровень послереволюционных эмигрантов, в результате чего разные культурные традиции были вынуждены вступить в непосредственный диалог. За границей оказались практически все русские философы рубежа веков – Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Ф.А. Степун, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, И.П. Карсавин, Б.П. Вышеславцев, Г.В. Флоровский, Н.О. Лосский, М.М. Новиков, – которые сочли своей духовной миссией сохранение и развитие русской культуры.

Основным инструментом в выполнении этой миссии стала периодическая печать, ко-

торая стала главным средством распространения не только политических программ, оценок, новостей, но и произведений художественной литературы и культурных и философских идей. Благодаря периодике – и прежде всего журналам – был налажен обмен информацией и идеями между различными центрами русской эмиграции. О.Д. Волкогонова отмечает, что здесь получили продолжение традиции XIX века, когда жизнь российской интеллигенции велась вокруг «толстых журналов» [6, с. 21].

Таким образом, нам представляется уместным вести речь о философском дискурсе журналистики эмиграции «первой волны».

Само понятие дискурса достаточно неоднозначно, его исследованию посвящено множество работ, авторы которых трактуют это явление в столь различных научных системах, что само понятие «дискурс» стало шире понятия «язык» [10, с. 47]. Так, в частности, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [1, с. 136–137].

В.Е. Чернявская, суммируя имеющиеся трактовки дискурса в отечественном и зарубежном языкознании, сводит их к двум основным типам: 1) «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах

и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве»; 2) «совокупность тематически соотнесенных текстов» [14, с. 11–12].

Как отмечает Е.С. Кубрякова, «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [12, с. 8].

Отношение к понятию «философский дискурс» на данный момент остается крайне неоднозначным. Некоторые лингвисты, такие как В.И. Карасик, вообще не выделяют его в отдельный тип дискурса, другие считают такое выделение правомерным.

Так, в частности, Г.Б. Гутнер называет философский дискурс универсальным. «Дискурс, будучи некоторой терминологической конструкцией, должен предъявить такие отношения своих терминов, которые были бы предпосылками всякого возможного дискурса. Именно этот дискурс и называется философским. Его термины, называемые философскими категориями, носят характер всеобщности, поскольку с их помощью можно говорить о любом дискурсе» [7]. По мнению автора, любой дискурс может быть изучен в рамках философского.

Философский дискурс журналистики эмиграции «первой волны» представлял собой уникальное явление. Одним из крупнейших центров религиозно-философской мысли русской эмиграции, объединившим русских богословов, философов, историков и публицистов в 1920–1930-е годы, стал Париж. Именно там располагался Русский православный богословский институт им. Преподобного Сергия Радонежского, Религиозно-философская академия и издательство «ИМКА-ПРЕСС», а главным печатным органом стал журнал «Путь», выходивший в период с 1925 по 1940 год.

Журнал «Путь», издававшийся под редакцией Н. Бердяева, имел подзаголовок «Орган русской религиозной мысли» и уже самим названием подчеркивал преемственность в русской культуре и философии, поскольку в России начала века издавалось не-

сколько журналов с таким же названием, а в 1910–1919 годы существовало московское издательство «Путь», выпускавшее философскую, богословскую и религиозную литературу. Основной состав авторов – о. Сергей Булгаков, Б.П. Вышеславцев, Н.О. Лосский, Ф.А. Степун, А.В. Ельчанинов, В.В. Зеньковский в свое время участвовал в деятельности издательства.

Религиозная философия и религиозные взгляды названных философов позволяют говорить о взаимосвязи философского дискурса и религиозного. В условиях эмиграции, распада европейской культуры русская философия удержала свое высокое призвание напоминать людям истинный смысл их существования. Отчасти условия жизни в чужой стране, отчасти реакция на официальный советский атеизм способствовали усилению и углублению религиозности,

В редакционной статье «Духовные задачи русской эмиграции» особо отмечалось, что журнал ставит своей целью сохранение преемственности в процессе существования русской духовной культуры, а также стремится к преодолению сформировавшейся к тому времени эмигрантской психологии, сильно политизированной и противоречивой в своем отношении к Русской Православной Церкви и Советской России, что создавало угрозу раскола русской эмиграции [8, с. 3].

Истоком философских идей становится историческая реальность, авторы особое внимание уделяли поискам причин случившегося в России и перспективам дальнейшего развития своей родины. Диапазон философских идей, развивавшихся в среде русской эмиграции, был весьма многообразен, но в центре их бесспорно неустанные размышления об исторических судьбах России. Именно этим обусловлено то, что на страницах журнала появлялось огромное количество работ, посвященных специфике русской истории, анализу социальных и культурных особенностей страны, прогнозы на будущее. Трагедия русской революции, падение русского государства, крушение общественных надежд, кризис церковной жизни в СССР и за рубежом, отношение православия к государству, социальный вопрос – эти и многие другие темы освещались авторами «Пути».

Период с 1926 года (когда происходит раскол Русской зарубежной православной Церкви) сотрудники редакции воспринимали как некий «ренессанс духовной культуры, ренессанс философский и литературно-эстетический» [4, с. 6]. К началу же 1930-х годов, когда члены редакции наладили тесные связи с европейскими мыслителями, журнал превращается в платформу для интеллектуальных дебатов. Примечательно то, что Н. Бердяев предоставлял страницы издания всем желающим, вне зависимости от его идеологических воззрений. Он отмечал, что «журнал “Путь” объединил все наличные интеллектуальные силы, за исключением течений явно обскурантных и злобно реакционных. Журнал не был моего направления, это было бы неосуществимо по самому заданию журнала и для этого не существовало группы вполне единомысленных со мной людей. “Путь” не был боевым органом, он лишь давал место для творческих проявлений мысли на почве православия» [5, с. 228].

В частности, в это время на страницах журнала находит свое отражение полемика Бердяева с Флоровским по евразийскому вопросу. В целом Н. Бердяев относился к евразийскому движению положительно, считая, что евразийцев нельзя назвать «вульгарными реставраторами», так как заслуга их состоит в том, что они провозглашают превосходство культуры над политикой. В то же время он определял отношение евразийцев к Западной Европе как «превратные и ложные», утверждая, что «подобное отношение заслуживает названия азиатства, а не евразийства». Он писал, что «евразийская философия истории есть чистый натурализм» [3, с. 101]. Г. Флоровский же возражал на это, что «ведь в конце концов важно не то, что именно евразийцы думают, – та правда, которую они ищут и видят. Главное недоразумение спора состоит как раз в том, что большинство оппонентов вообще никакой правды искать не желает, а в евразийцах казнят именно беспокойство их исканий» [13, с. 101].

Таким образом, «Путь» как религиозно-философский журнал представлял собой уникальный опыт дискуссионного издания, в котором не господствовала политическая или религиозная идеологизация. Для его статей

характерна «открытость», приглашение к диалогу или, если воспользоваться терминологией Е.А. Кроткова, диалоговая дискурсивная философская аргументация. «Доводы в диалоговой стилизации, – отмечает исследователь, – обычно формулируются в виде пропозициональных установок, причем автор интерпретирует содержащиеся в них высказывания таким образом, чтобы их смысл можно было либо частично идентифицировать со своей точкой зрения, либо превратить в объект для критики» [11, с. 128].

Философский текст строится с учетом противоположной позиции, когда автор вынужден просчитывать все возможные реакции своих читателей и даже имитировать диалог с вымышленным оппонентом. В то же время автор имеет своей целью не переубедить собеседника, его задача – разъяснить читателям свои философские убеждения и/или продемонстрировать их несовместимость с убеждениями чужими.

Необходимо отметить, что работы самого Н. Бердяева носили отчетливо выраженный оценочный характер. «У меня есть двоякого рода разногласия с кн. Г.Н. Трубецким, – писал он в № 4, откликаясь на статью Трубецкого в этом же номере. – Я не согласен с ним по существу в вопросе о монархии, хотя, кстати сказать, я совсем не являюсь противником монархии всегда и везде, признаю ее положительное историческое значение и отнюдь не считаю себя апологетом и идеологом республики и демократии. Но я не согласен с ним и тактически» [2, с. 174].

В 1920–1930-е годы происходит трансформация философского дискурса, размывание дискурсивных границ, когда становится сложно отличить философский текст от текста нефилософского (публицистического, религиозного или художественного). Как отмечают ученые, «часто философский текст, прежде ассоциировавшийся с прорывом к вечным истинам, становится сиюминутным, апеллирующим к современным реалиям, происходит терминологическое опрощение (“снижение философской лексики”), смешение стилей и жанров» [9, с. 195]. Во многом это обусловлено тем, что если раньше философский текст имел достаточно ограниченную, замкнутую

аудиторию, то теперь он становится рассчитан на самый широкий круг читателей.

Таким образом, можно отметить основные признаки, характерные для философского дискурса «первой волны» эмиграции: ярко выраженная оценочность, диалогичность, экспликация предыдущего знания по обсуждаемой проблеме, интертекстуальность, взаимосвязь философии и религии, широкий информационный охват, ценностность, смешение стилей и жанров, размытость дискурсивных границ между разными областями знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
2. Бердяев, Н. А. Дневник философа / Н. А. Бердяев // Путь. – 1926. – № 4. – С. 174–183.
3. Бердяев, Н. Евразийцы / Н. Бердяев // Путь. – 1925. – № 1. – С. 101–123.
4. Бердяев, Н. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» / Н. Бердяев // Путь. – 1935. – № 49. – С. 3–21.
5. Бердяев, Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. – М. : Международ. отношения, 1991. – 288 с.
6. Волкогонова, О. Д. Образ России в философии Русского Зарубежья / О. Д. Волкогонова. – М. : РОССПЭН, 1998. – 325 с.
7. Гутнер, Г. Б. Теоретический и философский дискурс / Г. Б. Гутнер. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ru.philosophy.kiev.ua/library/misc/diskurs/gutner.html>. – Загл. с экрана.
8. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. – 1925. – № 1. – С. 3–12.
9. Ищенко, Е. Н. Современный философский дискурс: пространство и границы / Е. Н. Ищенко // Вестник ВГУ. – 2003. – № 2. – С. 195–209.
10. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 476 с.
11. Кротков, Е. А. Специфика философского дискурса: логико-эпистемические заметки / Е. А. Кротков // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1. – С. 128–135.
12. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 7–25.
13. Флоровский, Г. Окамененное бесчувствие / Г. Флоровский // Путь. – 1926. – № 2. – С. 101–112.
14. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11–22.

JOURNAL “PUT” (1925–1940) AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF RUSSIAN EMIGRATION OF “THE FIRST WAVE”

E. V. Parakhnevich

The article is dedicated to consideration of philosophical discourses of Russian emigration of “the first wave” and by means of reading texts of journal “Put” were revealed a specific character and a number of qualitative characteristics.

Key words: *russian emigration of “the first wave”, philosophical discourses, the journal “Put”, journal context.*